

К Р О К О Д И Л

Убей гада! ✓

Рис. Л. Бродаты

По нашей земле, на степном ветру,
Привыкший зорить и красть,
Тянется гад к чужому добру,
Жадно разинув пасть.

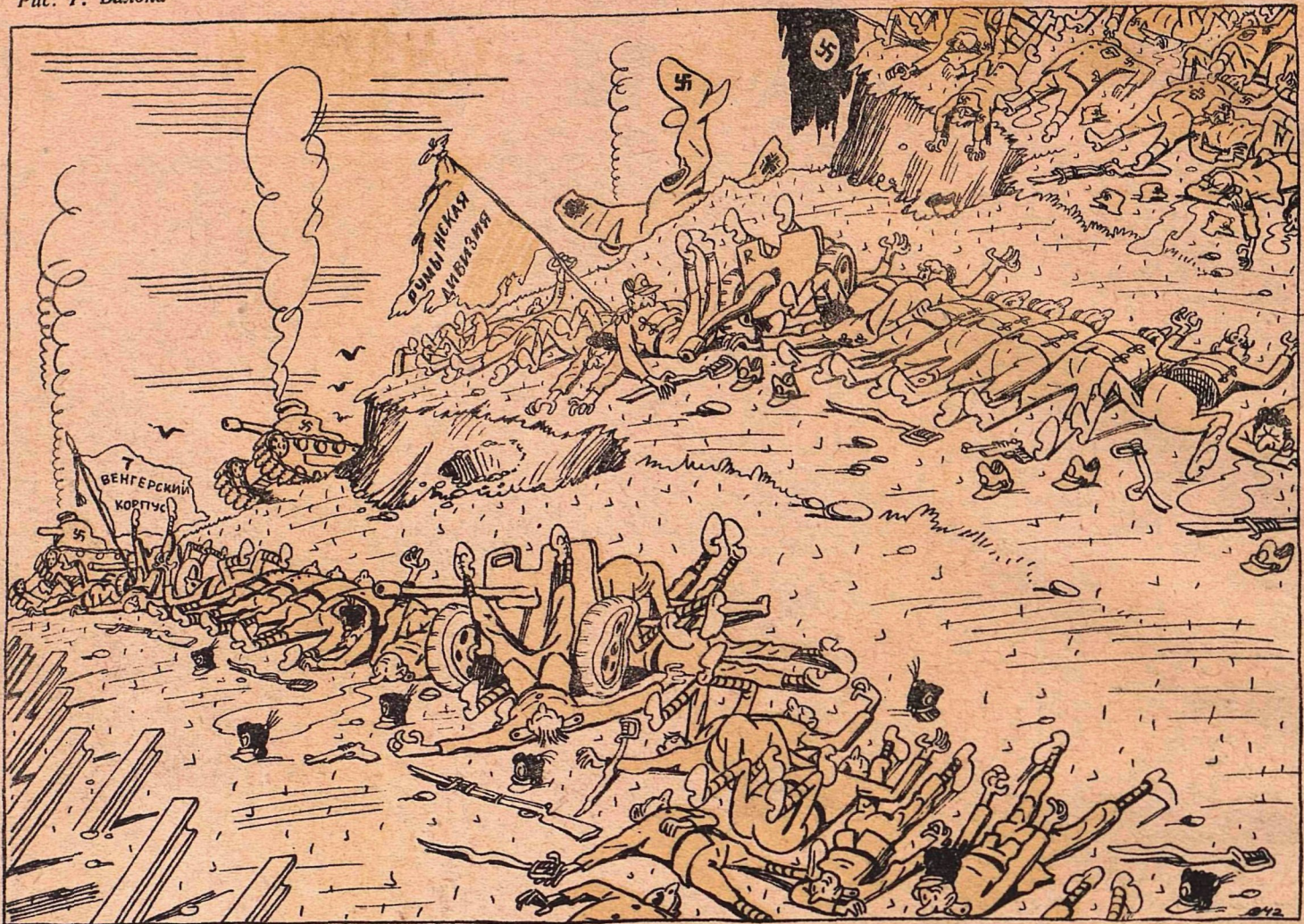
Он уже нами изрядно бит,
Но он еще, гад, живой,
Он еще лезет, еще гремит
Коричневой чешуей.

Он еще землю нашу сосет,
Хищный фашистский гад,
Он еще рвется, еще несет
Страшный, смертельный ад.

Чтобы в полон не попасть к нему,
Чтобы свободным быть,
Надо стремиться нам к одному:
Гада скорее убить!

Сергей ВАСИЛЬЕВ

Рис. Г. Валька

Германское командование радушно предоставило первые места венграм, задние ряды отведены румынам, а на галерке скромно расположились сами немцы.

Старички и новички ✓

В ЖИЗНИ каждой воинской части бывает торжественный момент: приход пополнения.

Вот новичков распределили по ротам и взводам. Чистенькие, в свежем, аккуратном обмундировании, они окружают плотным кольцом суровых ветеранов в рваных мундирах, покрытых грязью и копотью, и, забрасывая их вопросами, жадно впитывают боевой опыт.

Трогательная, волнующая картинка!.. Вот как выглядит эта трогательная, волнующая картинка в гитлеровской армии.

* * *

— Позвольте вас спросить, господин ефрейтор!..

— Спрашивай, парень, — отвечу. Это же моя обязанность — помочь новичкам, сделать их настоящими немецкими солдатами. Вали, спрашивай!..

— Что значит применяться к местности?..

— Применяться к местности?.. А это вот что значит. Предположим, тыходишь в русское село. Что ты здесь можешь цапнуть?.. Холст, кур, яйца, полотно... Значит, приготовь заранее мешок. Теперь тыходишь в город. Что ты здесь можешь цапнуть?.. Здесь в квартирах ты можешь цапнуть более ценные вещи: фарфор, картины, отрезы. Здесь мешком не обойтись — надо приготовить чемодан. Вот это и значит применяться к местности. Понял, дурашка?..

— Понял, господин ефрейтор. А что такое маскировка? Расскажите.

— Маскировка — ну это просто... Предположим, ты цапнул чемодан с вещами... Надо его спрятать. Так? Ты прячешь его в танк, а сверху ставишь ящик с патронами. А то офицеры заметят — знаешь, что будет?

— Накажут?

— Себе заберут, болван, а ты останешься с носом. Понял?

— Понял, господин ефрейтор... Только...

— Что — только?

— Только вы все рассказываете про... это самое... про хапанье, а мне хочется, чтобы вы меня поучили воевать!

— Вот и видно, что ты желторотый птенец. Я тебя главному учу, а воевать ты сам научишься... Ты зачем пошел воевать?

— За великую Германию... Вот тут у меня записано, что нам говорил на вокзале господин пропагандист.

— Выброси это дерьмо, щенок! Это же для дураков говорится. Запомни: мы пошли воевать для того, чтобы цапать и цапать... Значит, надо хорошо воевать... Понял?.. Не будешь хорошо воевать — не будешь хорошо цапать и цапать!.. Или будешь цапать меньше других ловкачей!.. Понял?

— Вот я и хочу, господин ефрейтор, чтобы вы меня научили хорошо воевать!.. Потому что я... этого... очень фарфор люблю!

— Начнешь цапать, войдешь во вкус — сам научишься воевать... Это, знаешь, все равно как плавать учить... Бросишь такого щенка, как ты, в речку — он и плывет... Орет, пускает пузыри, но плывет!.. Вот и ты поплывешь!

— Постараюсь!.. Что это у вас за шрам на щеке, господин ефрейтор?.. Это вас... русская мина, да?

— Нет, это меня одна русская деревенская дама... граблями... Шрам любви, так сказать!

— Понимаю!.. А скажите, господин ефрейтор, чего нужно больше всего бояться: мины, снаряда или пули?

— Я, лично, больше всего боюсь вагона.

— Вагона? Но почему же?

— Потому что меня пять раз возили с фронта на фронт и пять раз партизаны пускали наши составы под откос... Когда тебя багажной полкой бьет по морде, — это самое страшное, мальчик!.. Ну, я тебе главное рассказал... Становись! Сейчас поведу вас в деревню на боевую практику — за курами и млеком! Шагом марш!..

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

Мина — впереди! ✓

У немца — вежливое сердце,
он пропустил вперед венгерца.
Венгерец пропустил румына,
румын из вежливости — финна...

Понятно!
На дороге — мина!
Друзья, прошедшие вперед,
на минах вежливо взрываются,
а немец сам по трупам прет.
Подобной вежливости род

у немцев «дружбой» называется...

Иди, иди, вторая мина впереди!

С. КИРСАНОВ

ПЕТЮ Кубацкого я знаю очень давно — мы оба родились и провели детство в одном городке на Смоленщине. Потом несколько раз встречались в Москве. Однажды он сказал мне, что учится в Институте иностранных языков. Года через два я встретился с ним в такси — он работал шофером. Последний раз я встретил Петю незадолго до войны. Он сказал мне, что «вертеть баранку осточертело» и что теперь он артист эстрады. Я спросил у него, что он делает на эстраде. Петя ответил одним словом: «Моноскетч»...

Наконец, я встретил Петю вчера. Он был в полувоенной форме, на груди у него поблескивал орден Красной звезды. Я поздравил Петю с орденом, но не удержался от вопроса: «За что?» Петя гордо ответил:

— За искусство вообще и за искусство перевоплощения в частности.

..В августовские дни прошлого года Петя в составе какой-то агитбригады попал на фронт для обслуживания ополченческой дивизии. Из частей дивизии образовались партизанские отряды, которые ушли в немецкие тылы. С одним таким отрядом оказался и Петя. Первое время ему пришлось выполнять обычные функции бойца партизанского отряда. Но затем он все-таки сумел совместить это со своей новой профессией артиста. После одной удачной операции Петя обзавелся реквизитом, состоящим из кителя и брюк фашистского офицера, форменной фуражки и «железного креста». На базе этого реквизита и родился новый моноскетч. Моноскетч — это, оказывается, маленькая пьеска для двух артистов, исполняемая, однако, одним. Вот Петя один и разыгрывал сценку разговора фашистского офицера со своим денщиком. Номер, видать, получился неплохой, по крайней мере, в отряде он бесспорно шел весь осенний, зимний и весенний сезоны.

А в начале лета произошла такая история... Партизанский отряд выделил небольшую группу для контроля за дорогой. Однажды вечером группа партизан сидела в просторной землянке, ожидая наступления полной темноты. И Петя решил выступить со своим моноскетчем. Он достал из сумки офицерский китель, брюки, надел их и начал представление. Но не успел он сказать и двух слов, как поблизости от землянки поднялась дикая стрельба из автоматов. Партизаны выскочили из землянки и сразу все поняли: немцы подкрались к их логову и теперь наступали с разных сторон. Петя выскочил с автоматом, но в офицерском кителе, и побежал в сторону выстрелов. Пригнувшись, он проскочил сквозь густой орешник и нос с носом столкнулся с фашистом в офицерской форме. Петя хряпнул офицера автоматом по голове — и тот рухнул на землю. Петя оттащил его в кусты, и в это время в сумеречной мгле он увидел силуэты немецких солдат. Перестрелка затихла, и Петя услышал, как немцы вполголоса звали своего офицера. Петя пошел прямо на фрицев и, остановившись в двух шагах от них, вполголоса приказал по-немецки:

— Внимание! Без единого выстрела быстро за мной...

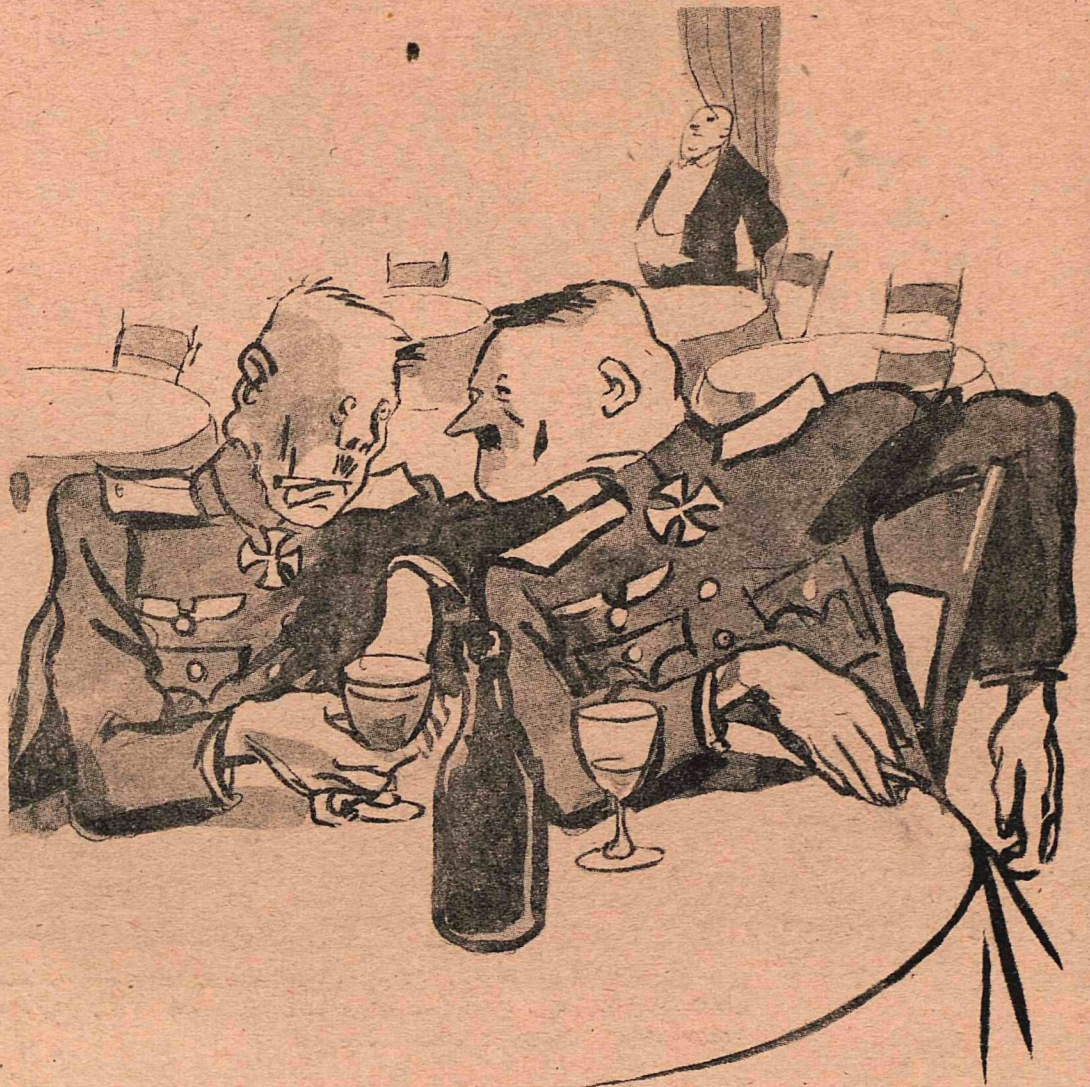
Петя побежал в глубь леса. Он бежал и слышал, как за ним шлепали по болоту фрицы. Петя добежал до знакомой лужайки и, отойдя в сторонку, командовал солдатам:

— Вперед!

Солдаты побежали через лужайку. Их оказалось двадцать человек. И тут Петя представил слово своему автомату, после выступления которого ни один из фрицев высказываться уже не мог...

Вот и вся история ордена, полученного «за искусство вообще и за искусство перевоплощения в частности». В Указе же было сказано об этом ордене, что он выдан Петру Кубацкому «за мужество и отвагу, проявленные в борьбе с немецкими захватчиками».

В. АРДАМАТСКИЙ

— Знаешь, Людвиг, здесь, в Булони, очень беспокойно: опять два немецких офицера убито.

— А у нас в Кале еще хуже: целую дивизию на русский фронт послали.

Коварные стихи

В ПАРИЖЕ в фашистскую газету «Пари суар» было прислано стихотворение, автор которого пожелал остаться неизвестным как для читателей, так и для редакции. В его стихах воспевался Гитлер. Редакция обрадовалась и опубликовала стихотворение на видном месте.

На следующий же день стихотворение получило у парижан огромную популярность, что вызвало у фашистских редакторов чувство недоумения и удивления. Неужели тысячи французов, до вчерашнего дня относившихся к гитлеровцам с нескрываемой ненавистью, за одни сутки пересмотрели свои взгляды? Чудеса!

Прошло, однако, немало времени, прежде чем тупоголовые геббельсовские борзописцы поняли, в чем дело. Вот какую «оду» Гитлеру и фашизму распространили они огромным тиражом:

«Да здравствует герой... наш Гитлер полноценный!
Он честен и правдив... во Францию пришел
И стал за нас горой... и дал закон священный,
Насилье отменив... грабеж и произвол!
Глядят не на него ль!... О нем ли не рассудят,
Воздав ему почет... немало честных лиц!
Пусть генерал де Голль... навеки проклят будет,
Врагов своих добьет... великолепный Фриц!»

Но, разделенная по середине, сверху донизу, «ода» эта образует два стихотворения, с совершенно иным смыслом:

«Да здравствует герой
Он честен и правдив
И стал за нас горой
Насилье отменив,
Глядят не на него ль!
Воздав ему почет
Пусть генерал де Голль
Врагов своих добьет

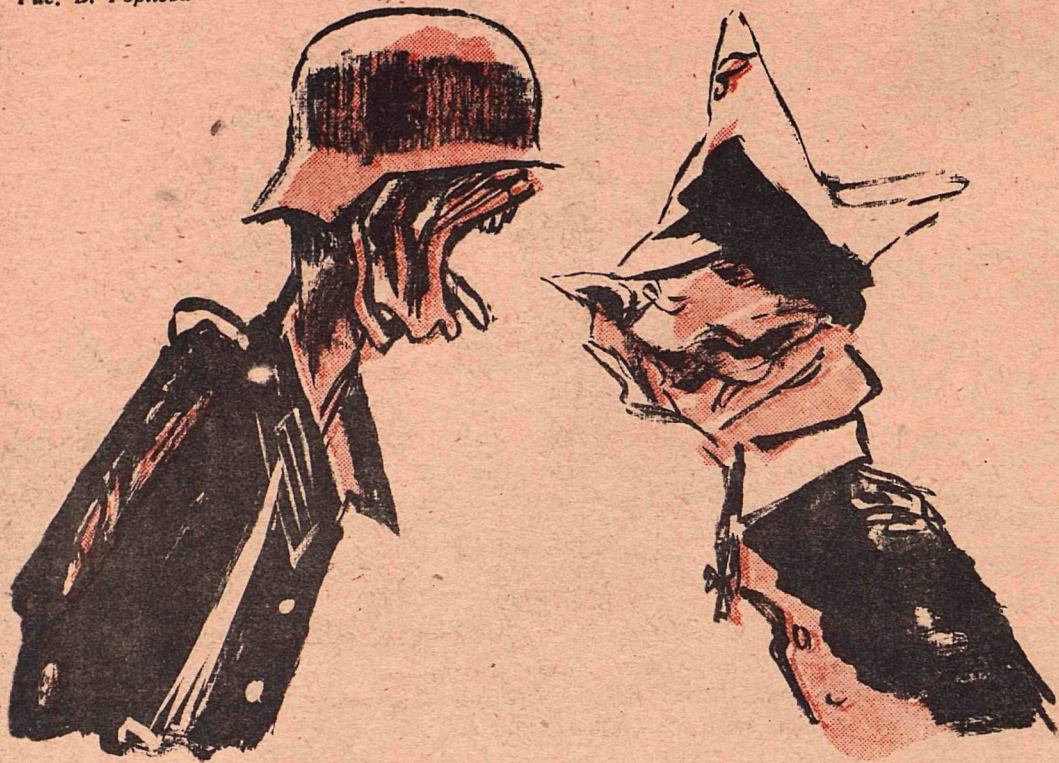
наш Гитлер полноценный
во Францию пришел
и дал закон священный,
грабеж и произвол!
О нем ли не рассудят
немало честных лиц!
навеки проклят будет
великолепный Фриц!»

Парижане смеялись. Смеялись над издателями презренного фашистского листка, высекавшими самих себя.

Ю. СМЕРНОВ

Стихи перевел с французского АРТО.

Рис. В. Горяева

— А ну-ка дыхни на меня! Негодяй, ты совершенно трезв!

Обман уважаемой публики

СИЛЬНО надеемся, что майор фон Ленау будет в ближайшее время убит.

В карманах убитого немецкого майора фон Ленау окажется дневник. Вот отрывки из него.

«...Наш генерал — хитрая бестия. Наднях он вдруг ни с того, ни с сего пошел в оперу. Нам сначала показалось странным, почему их превосходительство вдруг заинтересовались такой ерундой.

Но потом мы поняли, что и опера может пригодиться в военном хозяйстве».

«...Вчера генерал собрал господ офицеров и сказал нам следующее:

— Вот вы живете в Париже уже два года. А кто из вас ходил в оперу? Никто. Предлагаю сегодня вечером посетить спектакль под названием «Лоэнгрин». Запомните: «Лоэнгрин!» Придется пойти. Вот они, тяготы войны!...»

«...Ходил в эту самую оперу... как ее.. Название какое, черти, придумали! Ничего особенного, сплошная музыка. Скука смертная. Ни одной хорошенькой певички. В буфете — хоть шаром покати. А еще называется — парижская опера! Один обман уважаемой публики. Обер-лейтенант Клямер крепко проспал два действия и три антракта. А я выдержал. Я вообще во всех походах показал себя очень выносливым...»

«...Генерал вызвал нас к себе.

— Ну что, — спрашивает, — ходили в оперу? Хором отвечаем:

— Так точно, согласно приказанию!

И тут же задает нам коварный вопрос:

— А на что обратили внимание?

Молчим, конечно. На что там можно обратить внимание? Одна чепуха.

— Однако что вы оттуда вынесли?

Тут мы испугались. Оказывается, надо было оттуда что-нибудь вынести, а мы ушли с пустыми руками. Вот недотепы!

Генерал заметил наше смущение и говорит: — Самое замечательное в этой опере — это парад войскам. В параде заняты всего пятнадцать актеров. Но создается впечатление, что их там тысяча. Они кружатся по сцене и, проходя за кулисами, меняют в своем костю-

ме какую-нибудь вещичку. И кажется, что это нескончаемая лента солдат. Знаете, как это называется?

— Обман уважаемой публики! — ответил я. — Это называется: массовая сцена. Так вот... Тактику массовых сцен мы должны применить здесь, в Париже. Вам известно, господа, что основные немецкие силы из Франции спешно переброшены в Россию. Нас тут осталось мало. Но этим французикам и прочим мы должны представить дело так, как будто нас много, чтоб они не догадались, что задняя наша часть совершенно оголена. Наднях устроим шествие по Парижу. И чтоб был настоящий «Лоэнгрин!» Понятно?!

«...Занят с утра до вечера. Готовимся к этому самому... «Лоэнгрину». Избил всю морду ефрейтору Шульцу, пока втолковал ему, что такое опера. Кажется, понял...»

«...Уф! Устал. Только что закончилась наша опера. Полный обман уважаемой публики! Кружились мы по площади. Вокруг одного бульвара.

Вторая рота прошла два раза. В первый раз у фельдфебеля Мейера были закручены усы кверху, во второй раз — опущены книзу.

Четвертая рота прошла три раза. В первый раз во главе с обер-лейтенантом Шуллером, на носу которого были очки. Во второй раз с обер-лейтенантом Шуллером без очков. В третий раз — опять без очков, но и без обер-лейтенанта.

Пятая рота маршировала два раза. В первый раз шел ефрейтор Шульц с побитой мордой (это я его на репетиции угостил). Во второй раз морда Шульца была забинтована.

Шестая рота прошла один раз в штанах, другой раз в подштаниках... А чтоб французы не смеялись, генерал велел взять заложников из числа жителей ближайших кварталов. Двух на всякий случай расстреляли.

Словом, — настоящий «Лоэнгрин»...»

«...Колеса, черт бы их побрал, стучат. Поезд уж слишком быстро идет. Назавтра после нашего «Лоэнгрин» получил предписание отправиться на Восточный фронт. Еду.

Вот как закончилась опера... Я знал, что все это не к добру...»

Г. РЫКЛИН

(По столбцам крестов)

БРАВЫЙ БАТАЛЬОН

МАЙОР: — Докладывайте, докладывайте же, чорт вас побери!

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ: — Так что за таскочением 3 офицеров и 47 солдат, убитых юго-славскими партизанами, 6 офицеров и 53 солдат, погибших от налетов советской авиации, 22 солдат, умерших от сыпного тифа, 1 офицера и 34 солдат, сдавшихся в плен Красной Армии, 69 солдат, дезертировавших по пути следования, 1 офицера и 36 солдат, пропавших без вести, 372-й отдельный маршевый батальон прибыл на Восточный фронт в полном порядке.

(«На защиту родины»)

В СТРАНЕ ЭРЗАЦЕВ

— Герр Шрамке, за что этого лесничего потащили в пестато?

— Этот мошенник поставлял армии для выпечки хлеба совершенно недоброкачественную древесную кору.

(«На защиту родины»)

В КЕНИГСБЕРГСКОМ БОМБОУБЕЖИЩЕ

— Вы уже пришли или еще не уходили?

(«На защиту родины»)

ГОНЕЦ С СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ФРОНТА

— Обер-лейтенант, где ваши части?

— В частях, господин генерал, осталось много людей.

— А где же эти люди?

— От них остались только части.

(«Звезда советов»)

ПУГАН

Рис. Н. Радлова

— Господин Павелич, пр...
— Только не по железной д...

ударом

(воинской печати)

В НЕМЕЦКОЙ ШКОЛЕ

УЧИТЕЛЬ: — Ганс Вошке, покажи на карте Кельн, Эссен, Любек, Бремен.

УЧЕНИК: — Не могу их найти, герр учитель.

УЧИТЕЛЬ: — Почему?

УЧЕНИК: — Английская авиация стерла их с карты.

(«На разгром врага»)

НА СВОЮ ГОЛОВУ

— Разрешите доложить, господин капитан, разведка проведена успешно. Моему танку удалось обнаружить противотанковое ружье русских.

— Очень хорошо! Но почему вы пришли пешком?

— Потому что это противотанковое ружье обнаружило мой танк.

(«Красноармейская правда»)

ТЯЖЕЛЫЙ ГЛАЗ

— Знаешь, Ганс, у русского снайпера на нашу роту тяжелый глаз. Как кого увидит, так сглазит. Просто не успеваем выносить...

(«Красноармейская правда»)

НАИВНЫЙ ВОПРОС

СОЛДАТ: — Господин офицер, разрешите узнать, когда кончится война?

ОФИЦЕР: — А вот я тебе сейчас покажу! (Дает ему пощечину.)

СОЛДАТ: — Осмелюсь доложить, господин офицер: вы меня не поняли. Я спросил не о том, как кончится война, а о том, когда она кончится. Что нас побьют, это я и сам знаю.

(«За нашу победу»)

ВОРОНА

В связи с волнениями в Загребском округе Павлович перенес столицу так называемого Хорватского королевства из Загреба в Банья-Лука.

Правительству придется переехать! Дорого!

РУМЫНЫ НА ФРОНТЕ

Рис. Б. Клинка

— Где ты был во время боя, мерзавец?
— Все время впереди, господин ротмистр! Можете проверить: у меня четыре немецких пули сзади.

День рождения

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Кабинет Квислинга. Квислинг сидит за столом. Секретарь Квислинга Христиан почтительно стоит в отдалении.

Квислинг: — Вы думаете, Христиан?

Христиан: — Думаю, господин премьер.

Квислинг: — Ну и как?

Христиан: — А что, если что-нибудь выдать народу, ну там, предположим, сухари или печенье, в таких бумажных пакетиках и чтобы на пакетиках было написано: «Кушай на здоровье, норвежец! Это тебе дарит любящий тебя Квислинг».

Квислинг: — Не годится. Для того, чтобы норвежец почувствовал любовь ко мне, надо ему дать минимум пять кило сухарей.

Христиан: — Простите меня за смелость: а что если выдать сахар?

Квислинг: — У нас нет сахара.

Христиан: — Получите разрешение германских властей. Мол, так и так: для возбуждения народной любви к премьеру требуется три вагона сахара.

Квислинг: — Не разрешат. А потом, вы мало знаете этих норвежцев, Христиан.

Христиан: — Я сам норвежец.

Квислинг: — Мы с вами особые норвежцы. А они другие норвежцы. Их сахаром не возьмешь. Давайте думать вместе.

Христиан: — Восемнадцатого июля, в день празднования независимости Норвегии, доброй конунгом Гаральдом Златокудрым, норвежцы прямо беснуются от восторга...

Квислинг: — Постой-ка, постой-ка! Я, кажется, нашел. Я, кажется, все нашел! Восемнадцатого июля — день празднования независимости и восемнадцатое июля — день моего рождения.

Христиан: — Что вы говорите, господин премьер! Я и не знал.

Квислинг: — Я тоже не знал. То есть я знал, а вот сейчас подумал и вспомнил об этом. Немедленно широко объявите, что мой день рождения восемнадцатого июля. Этот день — в сердце каждого норвежца. И я в этом дне.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Тот же кабинет Квислинга. Хлопнула дверь. Вошел Христиан.

Христиан: — Поздравляю!

Квислинг: — С чем, собственно?

Христиан: — То есть как — с чем? Сегодня же день вашего рождения!

Квислинг: — Да, да, верно. Совершенно правильно. Ну, как норвежцы, ликуют?

Христиан: — В общем, да. Много писем на ваше имя, господин премьер.

Квислинг: — Поздравительных?

Христиан: — Да. То есть нет. Видите ли...

Квислинг: — В чем дело? Чего вы медлите?

Христиан: — А стоит ли их читать?

Квислинг: — Давайте! (Читает.) «Дорогой премьер!» Ну, вот видите, «дорогой». Не плохо, в этом есть какое-то чувство. (Читает.) «Я видел много подлецов, но таких, как ты, еще земля не рождала». Гм-гм! Какой-то ненормальный. Порвите, Христиан, эту гадость. Так, другое письмо. (Читает.) «Ты подлец и предатель, Квислинг! Тебе мало того, что ты предал наш народ проклятому немцу, ты еще задумал оскорбить нас, нанести удар в самое сердце; ты осмелился присоединить свое имя предателя к имени народного героя. Смерть тебе!» Да, это тоже порвите, Христиан. Еще письмо. (Читает.) «Будь проклят ты и день твоего рождения, предатель!» Гм-гм! Они, кажется, угрожают?

Христиан: — Да, вроде.

Квислинг: — Еще много писем?

Христиан: — Да.

Квислинг: — И все такие же?

Христиан: — Да.

Квислинг: — Что вы дакаете?! Что вы стоите, как болван?! Какая у меня охрана?

Христиан: — Большая.

Квислинг: — Мало. Удвойте охрану! Слышите?

Христиан: — Успокойтесь, господин премьер. Вы поблуднели.

Квислинг: — Утроить охрану.

Христиан: — А что делать с письмами?

Квислинг: — Вот! Мне нужна их любовь. Я им покажу, что такое моя ненависть. Мерзавцы! Всех, кто был назначен к отправке в концентрационный лагерь, сейчас же отправить! (Задыхается.) Всех, кто не был назначен к отправке, тоже отправить!

Христиан: — То есть, простите, не понимаю, это что значит: всех норвежцев?

Квислинг (у него начинается нервный припадок): — Всех, из одного, в лагерь. Я покажу им! (Припадок разрастается, уже не слышно слов, слышно только бессвязные вскрики и вой!)

К. ФИНН

— Не хочешь ли выпить за здоровье фюрера, Ганс?
— Хочу... Но только воды.

Я других таких не знаю,
Не найдешь среди бела дня.
Расхорошая, родная
Есть подружка у меня.

Эх, подружка — не вертушка,
Молчалива и скромна,
И красива, как игрушка,
И до гроба мне верна.

Каждый скажет в нашем взводе,
Покидала ли меня
Хоть в землянке, хоть в походе,
Хоть на линии огня.

Нам с подружкой нескудно,
Мы почти что земляки:
Сам — самарский, а подружка —
Позабыл, с какой раки.

Только помню город Тула,
Тульским пряником родня —
К нам из Тулы завернула,
Загостилась у меня.

Пусть подружка — не болтушка,
Не танцует, не поет,
Но зато моя подружка,
Точно муху, немца бьет.

Слова лишнего не скажет,
А когда приспел час,
Слово скажет — не промажет,
Пригвоздит — не в бровь, а в глаз.

Хороша у ней ссорка!
Эх, подружка у стрелка, —
Наша русская винтовка
Чемца бьет наизулка!

Вл. НЕВСКИЙ.

Ленинград.

Потапыч ✓

РОТА Вурста не участвовала в боях: ее назначили только на охрану тыла. Однако Вурст нервничал: все время роту приходилось двигаться, менять места караула. Сегодня с полудня его выставили на пост возле въезда в деревню Броды. Вурст чувствовал себя отлично. Он мечтал... Приближался срок отпуска. Вурсту обещали отпуск в Берлин, он надеялся заглянуть в свою парикмахерскую на Тауэнцишштрассе, где он работал до войны, поболтать с девчонками, заменяющими там всех мужчин. «Конечно, я немолод. Но какое это имеет значение для солдата с Восточного фронта? В Берлине я уже герой...»

Вурст расмеялся. Этот смех смутил его. Он оглянулся. Деревня была пуста, и лишь вдали, по кромке дороги, воле палисадников, плелся какой-то старичок к костыльком.

Вурст остановил его:

— Пропуск? Ты кто?

— Потапов... Потапыч, — прошамкал прохожий и, вынув из кармана штанов белую тряпицу, аккуратно развернул ее и подал лежащий в ней документ.

Часовой несколько раз оглядел старика с ног до головы. Потом долго рассматривал пропуск. Все было правильно.

— О-хо-хо... — вздыхал старик.

— Ты — вздыхать?! — осадил его немец. — Я понимаю русский, я бил здесь маленький. Здесь, здесь был, на даче.

Вурст показал рукой вправо на кособокого.

— Были дачи, батюшка... Были! — печально подтвердил Потапов. — Застройка-то была еще при Николае...

— Николашка, та, та... Майн фатер, майн папа, булочка имел там... Я бил маленький мальчик, булки носил на даче! Я знал русский язык.

Затем он вернул Потапычу пропуск. Старик, укладывая его в тряпицу, обронил какую-то другую бумажку. Немец заинтересовался и ею. Старик улыбнулся и, протянув ее часовому, сказал:

— Это — Ванятки моего чистописание... Понимаешь? Антифесный мальчонка! Семь годов, а какие цифирьки выводит... И букочки... Часовой крутил в руках вырванный из детской тетрадки листочек, старательно обнюхивая его со всех сторон. Подозрение, как молния, пронзило его.

— Это, то есть, пропись ваняткина — внука моего, — объяснял старик. — На цыгарки я бумажку спер. Понимаешь?

— Я понимал. Абер это шифр! Это партизан ходил? Шифр, письмо носил?

У растерявшегося Потапыча подогнулись колени. Он почти ничего не разобрал из слов немца, кроме того, что случилась какая-то беда. Часовой приказал ему сесть на дорогу, и Потапыч понял, что он арестован.

Чем больше разглядывал Вурст бумажку, тем все яснее представлялось ему, что он поймал партизанского почтальона. Он был доволен. Награда была обеспечена... Потапыч же, сидя у дороги, понемногу успокоился. Прикидывая в уме, чем бы он мог провиниться перед немцами, пытаясь вспомнить долетевшие до него обрывки слов немецкого часового, он сообразил, что его взяли за связь с партизанами. Правда, виделся он с ними в последний раз недели две тому назад: он ждал в лес повидаться к родным детям и старшим внукам... И вот, очевидно, обо всем этом сейчас узнали немцы.

Наконец, пришла смена караула. Немецкие солдаты посмеялись над добычей Вурста. Но Вурст важно сказал:

— Смеяться будем потом, когда я получу нашишки... Тогда будем смеяться!

Он приказал Потапычу встать. У крайней избы появились мальчишки. Они молча наблюдали за всем происходящим. Вурст повел Потапыча в комендатуру, расположенную в трех километрах от деревни. Дорога шла густым хвойным лесом. Вурст беспокойно осматривался и нетерпеливо подталкивал старикашку в спину прикладом своего автомата.

Потапыч сперва терпел, а потом озлился и, остановившись, зарорал на немца:

— Да ты что?! Обалдел, что ли? У меня поясница болят.

— Марш! — рявкнул Вурст.

— Ма-арш! — передразнил его старик. — Вот не пойду — и все.

Немец опешил. А старик, войдя в азарт, окончательно распалился. Он уже грозил немцу пальцем и кричал на него:

— Куда поропишься? И сам не знаешь! Ну, меня повесят — обыкновенное дело... Так ведь и тебя партизаны не помилуют. Уж будь спокоен, не протят. Мальчишки-то видали, как ты меня повел...

Этот внезапный взрыв негодования как будто оглушил Вурста. Он обомлел от неожиданности, и сомнение медленно, почтомышь, проскользнуло у него в голове: «Стоит ли рисковать накануне отпуска?» А старик, словно нарочно, не унимался. Забыв все на свете, он уже замахивался на Вурста своим костыльком.

— Чо-орт, немецкий идол! — ругал его Потапыч. — Да за меня все мое племя вступится... Дети и внуки! К утру тебя ухлопают! Весь лес ополчится за меня!

Вурст взглянул в разъяренные глаза старика, закурил, несколько раз затянулся, но даже табак не успокаивал. В роже, будто на зло, так весело, так звонко перекликались кукушки... Вурст побагровел и швырнул в сторону папиросу:

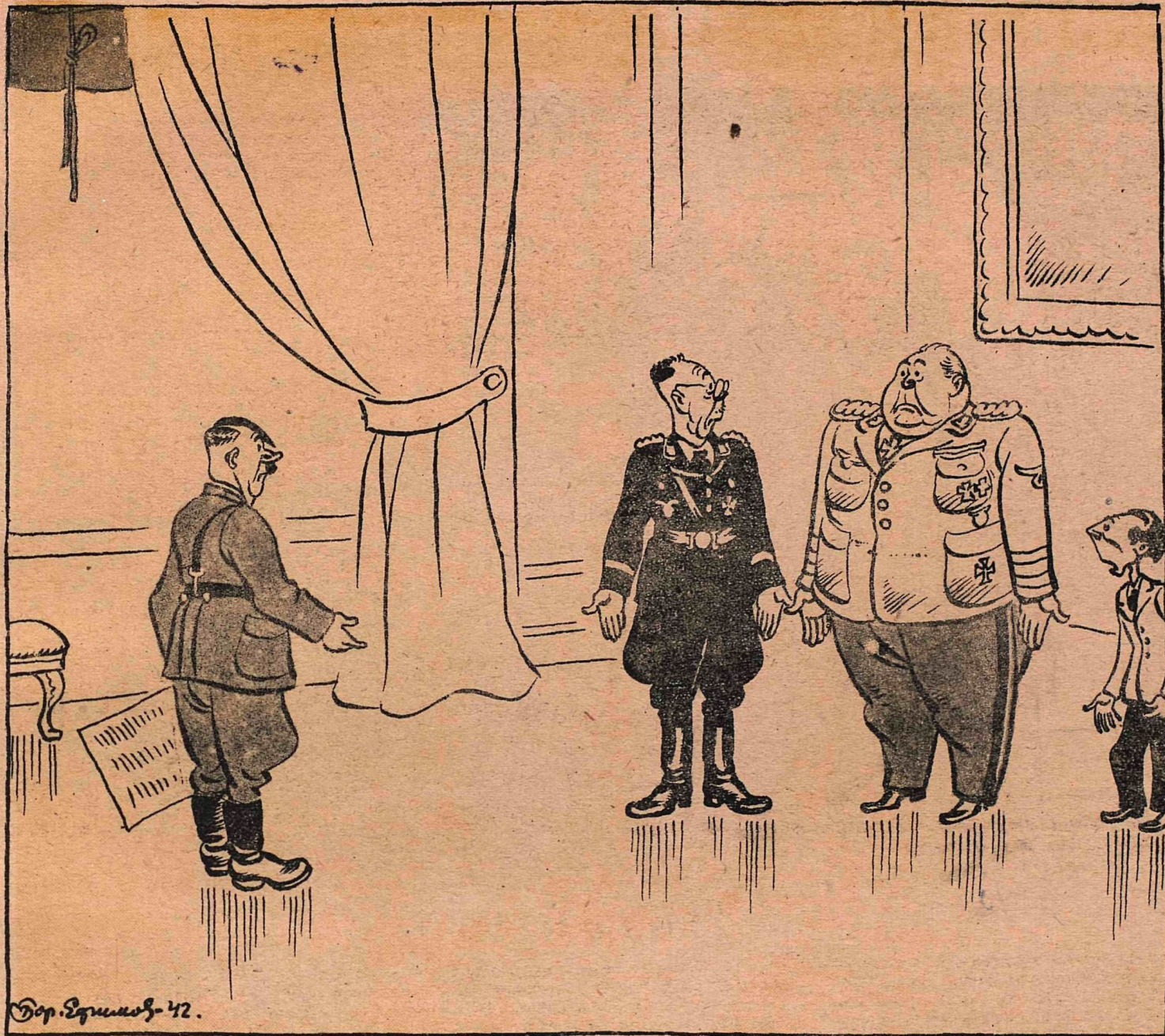
— Я тебя пускаль, пожалуйста. Пускаль, — повторил он.

Оглядев немца, Потапыч понял, что тот смертельно струсил. Не теряя ни секунды, он перепрыгнул через канаву и скрылся в лесу.

Вурст еще постоял на дороге, о чем-то размышляя. Затем дал несколько выстрелов в небо, поверх елок, с ожесточением плюнул и пошел обратно в деревню.

НИКОЛАЙ НИКИТИН

Рис. Бор. Ефимова

Бор. Ефимов-42.

— Геринг, ты здесь?
— Здесь, мой фюрер!
— Геббельс?
— Здесь, мой фюрер!

— Гиммлер?
— Здесь, мой фюрер!
— Кто же, черт возьми, занимается в Берлине поджогами?

Аудиенция в дворцовом погребе

ЗА ПОЛЧАСА до скоростного отбытия из Загреба в Банья-Лука глава хорватского «правительства» Анте Павелич принял в железобетонном погребе своего дворца корреспондента одной немецкой газеты.

Воздух в погребе был насыщен острым запахом маринованных грибов и соленых огурцов. Откуда-то доносились ружейные выстрелы. Где-то близко разорвалась бомба. Еще ближе затарахтел пулемет.

Чудесные эти звуки тихого летнего вечера, повидимому, глубоко тронули обоих собеседников;—они дрожали частой, мелкой дрожью.

— Перемена моей резиденции будет, несомненно, расценена как политическое событие,— заявил, успокоившись, Павелич.— Между тем мой переезд носит исключительно жилищно-бытовой характер. Дело в том, что в загребском дворце по недосмотру архитекторов устроен только один ход—парадный. А того не учли, что правителью Хорватии по соображениям государственного порядка может понадобиться и черный ход. Явится,

скажем, делегация любящего меня народа, захочет выразить мне свои чувства, а спасаться от них куда я буду? Не лишаться же мне башки из-за нехватки одной пары лишних дверей!..

Вторая причина, заставляющая меня переехать в Банья-Лука, имеет непосредственное отношение к вопросам здравоохранения. Народ, которым я правлю, за последнее время стал увлекаться ружьишками, бомбочками, пулеметиками. И до того увлекаются этими вещичками, что даже спать мне мешают. Стреляют и стреляют. Так что приходится, как видите, проводить ночи, извиняюсь, в погребе. Долго ли тут простудиться?

Наконец, третья причина—чисто философская. Слов нет, Загреб—это Загреб, столица, можно сказать, хотя часть его населения, извиняюсь, ушла в партизанские отряды, а другую часть, чтобы не ушла туда же, я из профилактических соображений усстроил на пожизненный отдых в тюрьмы и концлагери. Банья-Лука же—это все-таки Банья-Лука, не город, а, извиняюсь, недоразумение. Но я к

этому вопросу подхожу как государственный деятель: лучше быть живым в Банья-Лука, чем покойником в Загребе.

...Дружественную беседу неожиданно прервал грохот разорвавшейся около погреба бомбы. Правитель и корреспондент с поразительной ловкостью очутились в железной бочке, предусмотрительно доставленной в погреб министром павеличских внутренних дел. Когда грохот стих, правитель, заканчивая беседу, сказал:

— Как вы сами сейчас изволили убедиться, мой отъезд не связан ни с какими политическими событиями. Так и напишите в своей газете, Дескать, Павелич потому выбрал Банья-Лука, что там дома благоустроеннее, и доты кое-где имеются, и населения, кроме немецко-итальянских войск, почти нет. Оно хоть и скучновато, да зато спокойнее. И вам, господин корреспондент, советую последовать моему примеру. Как говорится, береженого и дот бережет.

И. ВЕРХОВЦЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-33-59; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал—1 р. 50 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Рукопись не возвращается

Москва. Изд. № 630

Подп. к печати 11.VIII 1942 г.

Статформат. 72×105 см.

Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

А 61458

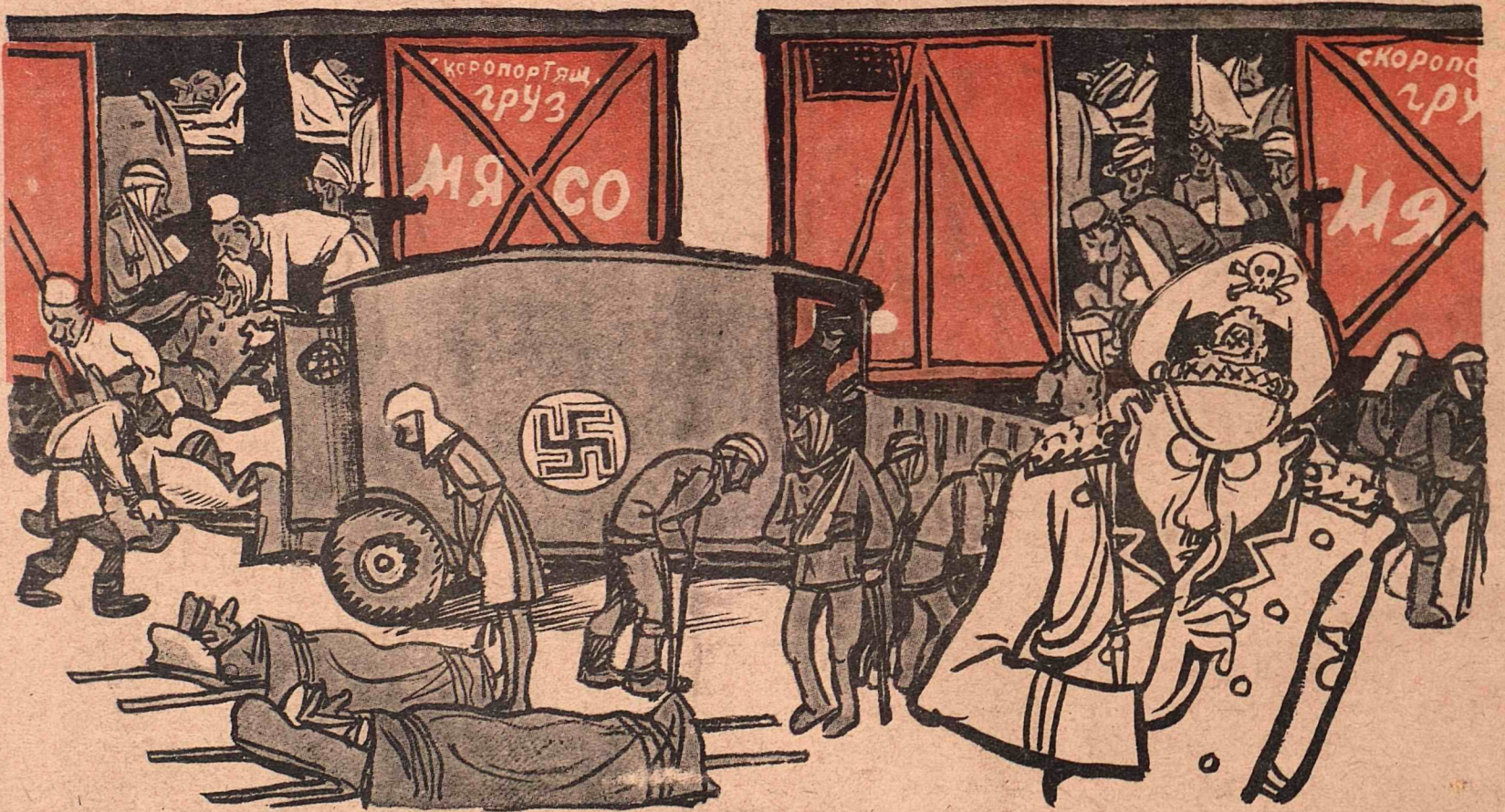
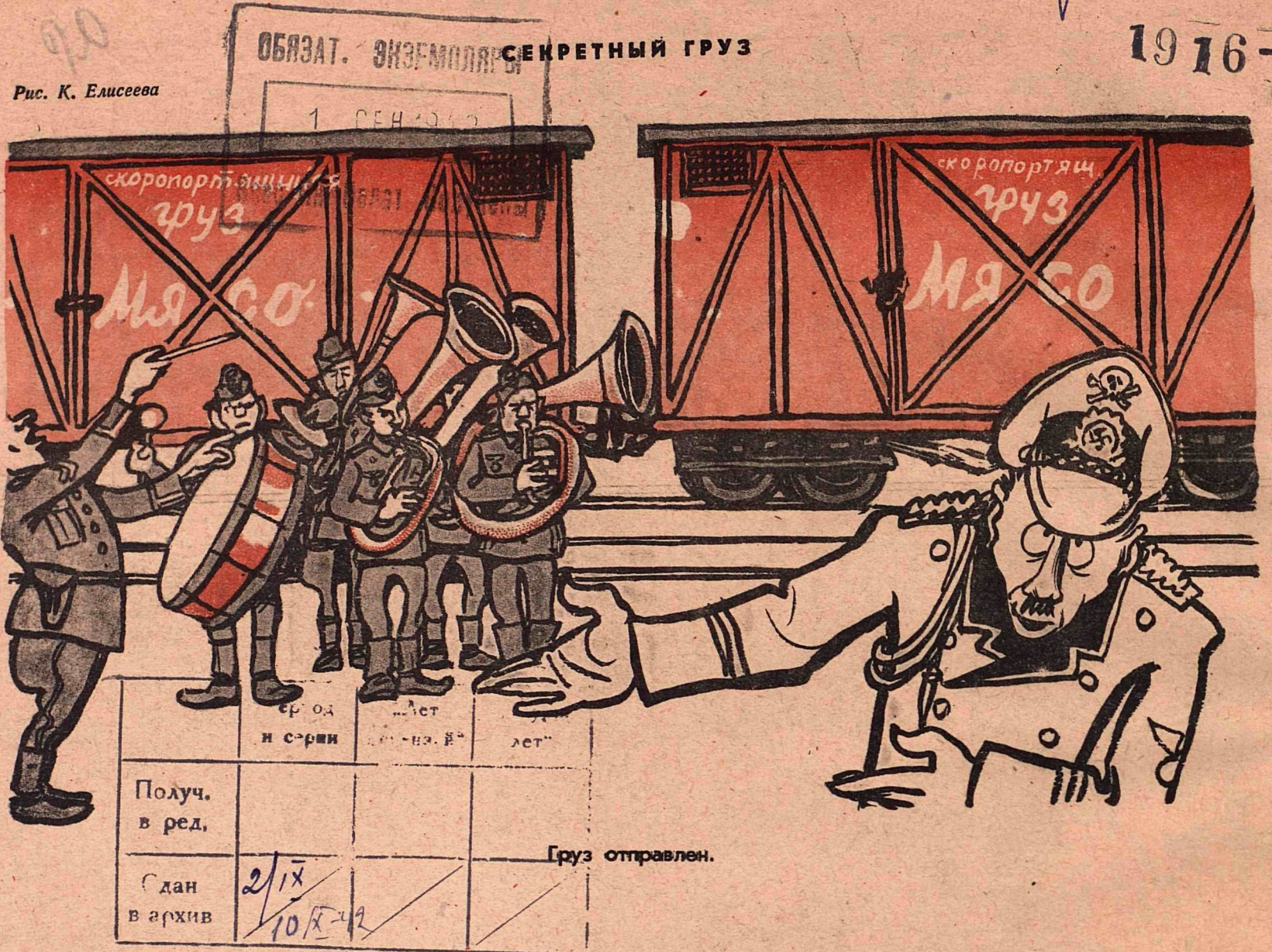
Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.

Заказ № 2251.

Тираж 200 000 экз.

ОБЯЗАТ. ЭКЗЕМПЛЯР СЕКРЕТНЫЙ ГРУЗ

Рис. К. Елисева

Груз прибыл на место.